

ТАМАШ КРАУС

**ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ,
ИЛИ О ЧЁМ НА САМОМ ДЕЛЕ РЕЧЬ В АНАЛОГИИ СТАЛИНА
И ГИТЛЕРА?¹**

**REMARKS ON THE HISTORY OF A HISTORICAL ANALOGY –
IN OTHER WORDS, WHAT IS THE STALIN–HITLER ANALOGY
ABOUT?**

This paper explores the history of the historiographical and political function of the Stalin–Hitler analogy and offers a critique of the analogy itself. It highlights the fundamental importance of identifying differences in comparative historical analysis, because these are the characteristics that make the phenomenon what it is. Outlining the complexity of systemic and individual differences can enrich the theoretical and historiographical content of the analogy.

Keywords: *Stalin–Hitler analogy, historiography, history of the Soviet Union, state socialism*

Tamás Krausz – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. Email: krausz1917@gmail.com

1 This article is dedicated to the memory of Emil Niederhauser. The article itself, which was largely a lecture given at the Niederhauser Memorial Conference, was originally formulated here: ORMOS MÁRIA – KRAUSZ TAMÁS, *Hitler – Sztálin*. [Hitler – Stalin] (Budapest: Pannonica, 1999)

Citation: TAMÁS KRAUSZ, „Zametki ob istorii odnoi istoricheskoi analogii, ili o chiom na samom dele rech' v analogii Stalina i Gitlera” [Remarks on the History of a Historical Analogy – In Other Words, What Is the Stalin–Hitler Analogy About?], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 37–55. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.12

Аналогия между Сталином и Гитлером — не безобидное и не случайное явление в историографии.² На самом деле, такая аналогия возникла не просто с целью искажения образа Сталина, а как средство дискредитации советской истории в целом, обвинения Советского Союза в нацизме — именно это направляло перо первых теоретиков данной аналогии. Хорошо известно, что ещё Ханна Арендт пыталась обосновать своего рода родство между «фашизмом и коммунизмом» в рамках своей «теории тоталитаризма»,³ что в принципе могло послужить отправной точкой для более широкого обоснования аналогии «Сталин – Гитлер» в период холодной войны. С другой стороны, нам также известно, что Иосифу Виссарионовичу Сталину не «повезло» и в историографии собственной страны: вскоре после его смерти Никита Хрущёв «подготовил почву» для нарратива, согласно которому «Сталин – массовый убийца». Позднее, в годы перестройки, в духе этой парадигмы было написано множество книг – как в Советском Союзе, так и затем уже и в Российской Федерации. Особую роль в такой историографической «подготовке» сыграл Рой Медведев ещё в 1970-е годы, хотя он сам, насколько мне известно, никогда не ставил вопрос о какой-либо уместности аналогии (Сталин–Гитлер) в контексте понимания и интерпретации деятельности Сталина. С 1980-х годов – под воздействием смены общественно-политического строя, а затем, в наши дни, в свете российско-украинской войны, – в общественном дискурсе укрепилось почти безраздельное господство черно-белого мышления. «Аналогия» как средство пропаганды и как историографическая «миссия» прежде всего оформилась в духе «англосаксонской традиции». Одним из её «результатов» стало то, что имя Сталина во многих странах мира, включая отчасти и Россию, закрепилось в официальной и неофициальной исторической памяти как имя *массового убийцы*. Между тем, многие даже не знают, что, например, «мудрец» Черчилль в 1950-е годы нес ключевую историческую и политическую ответственность за

2 Венгрия оказалась в первых рядах метода и практики исторического сравнительного анализа благодаря работам Эмиля Нидерхаузера, историка и академика, чей главный опыт заключается в том, что любое сравнение в истории имеет научный смысл, если явления сравниваются исторически и структурно, не останавливаясь на сравнении формальных признаков. Пожалуй, первым образцовым примером применения этого метода является: NIEDERHAUSER EMIL: *A jobbágyfelszabadítás Kelet-Európában*. (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962)

3 Об этом смотрите: BARTHA ESZTER: „Történetírás és ideológia: Vita a totalitarizmusról.” *Múltunk* 2013(3). 6–38.

геноцид в Кении, за ликвидацию примерно миллиона человек.⁴ «Западное мировоззрение» до сих пор явно доминирует в историографии – и далеко за пределами Европы и Северной Америки.

Противники Сталина (за редким исключением) сосредотачиваются исключительно на его преступлениях и ошибках, а порой и вовсе делают из него козла отпущения за события, к которым он не имел никакого отношения. Его же сторонники, обращаясь ностальгически к советскому пути развития, воспринимают защиту Сталина как восстановление исторической справедливости, как своего рода патриотический долг. Порой Сталина возводят в ранг мифологизированного героя даже за пределами России – как, к примеру, профессор Ратгерского университета Гровер Ферр.⁵

В истории историографии найдётся немного столь выдающихся авторов, как Исаак Дойчер или Р. Ч. Такер, которые с реалистичной сдержанностью подходили к своему «объекту».⁶ В российской научной литературе поляризация столь же выразительна, и крайне редко можно встретить автора, которого можно было бы отнести к категории «умеренных». В России и в Восточной Европе формирование нового мейнстрима, как правило, связывают с генералом Волкогоновым (в прошлом – начальником Главного политического управления Советской армии). В отличие от прежнего апологетического «советского официоза», Волкогонов заложил основы представления о Сталине как о «козле отпущения», подходить к биографии и деятельности которого можно исключительно в разоблачительном ключе. Но возможно ли было тогда иначе? От Миклоша Куна до Стивена Коткина⁷ – разоблачительный тон стал почти обязательным для всех. В 1980-е годы могло показаться, что Рой Медведев уже проделал основную часть разоблачительной работы,⁸ и тогда казалось, что следующая задача – предложить «коррекцию», то есть реалистичную картину, основанную на

4 „A Mau Mau-felkelés Kenyában és a brit gyarmati terror. Caroline Macy Elkins tanúvallomása Ndiku Mutua és négytársának a Külügy- és Nemzetközösségi Minisztérium elleni perében.” *Eszmélet* 111. 184-205.

5 GROVER FURR: *Stalin, Waiting for... the Truth!* (New York: Red Star Publishers, 2019)

6 ISAAC DEUTSCHER, *Sztálin. Politikai életrajz.* (Európa, Budapest: Európa, 1990); ROBERT C. TUCKER: *Sztálin, 1879–1929. A forradalmár.* (Szeged: Szukits Kiadó, 2006)

7 STEPHEN KOTKIN, *Sztálin – A hatalom paradoxonai (1878–1928)* (Budapest: Századvég, 2025)

8 ROY A. MEDVEDEV, *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism.* (New York: Columbia University Press, 1989) [Оригинально опубликовано как: Р. А. МЕДВЕДЕВ, *К суду истории*, 1969]

архивных источниках. Кульминацией этого разоблачительного стиля, тона и жанра, отражающего также и политическое состояние эпохи, стала *аналогия между Сталиным и Гитлером*. Она исходит из предпосылки принципиального, радикального сходства между этими двумя историческими фигурами, игнорируя системные различия, которые и формируют сущность самого явления. В современной России, пожалуй, наиболее квалифицированным представителем «официального либерального мейнстрима» среди профессионалов можно назвать Олега Хлевнюка, так выразившего своё методологическое кредо – одновременно легитимируя саму возможность «тождественной» аналогии: «Сталин и его курс не имели даже такой легитимности, которую имела нацистская диктатура»⁹.

Хлевнюк пошёл дальше, чем Ханна Арендт: он персонифицировал сам вопрос о природе системы.¹⁰ У него, как и у любого «ежедневного либерала», мерилом, универсальным критерием оценки всего является «чистая форма правового государства» – того самого, о котором, по выражению Аттилы Йожефа, «в правовом государстве оружием служат деньги». Слово бы всё историческое развитие сводится к одному-единственному *всё* определяющему фактору, к универсальному объяснительному принципу – к той форме «юридической легитимации», что известна из истории западного общественного прогресса. Однако в советском, русском (и российском) общественном сознании эта аналогия так и не укоренилась среди широкой общественности. Причина, в сущности, проста: сама такая аналогия воспринималась и до сих пор воспринимается как некое оправдание гитлеризма. Достаточно просто указать на «качество» этой проблемы – его следует непременно учитывать, ведь фигура Сталина и история Советского Союза во многих смыслах и на разных уровнях оказываются неотделимыми друг от друга.

Идеологические и личные точки зрения, неизбежно пронизывающие мышление историка, имеют здесь немалое значение. В этом контексте мне представляется глубоко показательным, если не парадигматичным следующее заявление одного всемирно известного че-

9 Цит. по: <https://stg.old.urokiistorii.nppstatek.com/article/935>. (Дата доступа: 12.05.2025.) Об этом тоже смотрите интервью В. Федорина с О. Хлевнюком (Иосиф Сталин как управленец): <https://www.forbes.ru/interview/47109-prestupnyi-diletantizm> (Дата доступа: 07.07.2025.)

10 Олег Хлевнюк, Сталин. Жизнь одного вождя. Издание второе, репринтное и переписанное. (Москва: РОССПЭН, 2015)

ловека, пережившего ту эпоху. В номере «Ленинградской правды» от 5 июля 1941 года опубликовано своеобразное признание композитора Дмитрия Шостаковича: «Я вступил добровольцем в ряды народного ополчения. Я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры однозначны. Спасти человечество от гибели можно только сражаясь». А имя Сталина неразрывно связано с этой борьбой, и этот факт просто невозможно игнорировать, если только мы не повернёмся спиной к исторической реальности или не станем на путь оправдания фашизма и нацизма.

Сама по себе данная аналогия восходит ещё к партийной оппозиции 1920-х годов, сложившейся против Сталина. В первую очередь её выдвинул Троцкий примерно в середине 1930-х. Хотя он с самого начала подчёркивал различие социального и экономического содержания двух режимов, тем не менее, указывал: при всех расхождениях личные диктатуры несут в себе определённые сходства «по форме». Отрицать это было бы легкомысленно. Тогда целью такого сравнения было дискредитировать Сталина через фашизм, подобно тому, как Сталин и Зиновьев в 1924 году пытался скомпрометировать социал-демократию, назвав её «умеренным крылом фашизма». Позднее социал-демократы и коммунисты взаимно обвиняли друг друга в том, кто в большей степени «способствовал» приходу Гитлера к власти: «похитившие» пролетарскую революцию социал-демократы, или атакующие буржуазную демократию и её институты коммунисты? Эти взаимные обвинения имеют давнюю традицию: фашисты как «коричневые большевики», коммунисты как «красные фашисты», социал-демократы как «социальные фашисты»; полный хаос понятий.

В период холодной войны, развернувшийся после Второй мировой войны, теорию тоталитаризма использовали главным образом историки советологических институтов, созданных в США. Эта теория сводила все диктатуры к общему знаменателю, исходя из форм управления и структуры политических институтов. Однако уже в 1970–80-е годы историография по обе стороны «железного занавеса» начала вырабатывать более утончённые методы анализа. Этот трезвый научный тренд был прерван в ходе политических трансформаций в Восточной Европе. Снова стало актуальным отождествление или сближение фашизма и коммунизма. Подобная риторика – пусть даже порой и непреднамеренно – ознаменовала собой начало определённого нравственного оправдания фашизма/нацизма: меньше стали подчёркивать антикоммунистическую и антисоциалистическую сущность фа-

шизма и гитлеризма. На первый план вышло не различие целей, мотиваций и результатов деятельности Сталина и Гитлера, а сходство их диктаторских черт. Основной задачей стало доказательство «извечного сходства» всех диктатур, вне зависимости от контекста. Исходными понятиями выступили фигуры «диктаторов» и «однопартийных режимов» – в противоположность другой методологии, в центре которой стояло различие общественных систем как отправная и конечная точка анализа. Одностороннее представление любой из этих позиций подчиняет научный подход политическим целям, превращая науку в служанку политики.¹¹

Как писал Аттила Йожеф: «Капитал и фашизм — обручены. Без отдельного уведомления». Современные «застенчивые» историки, такие как Эрнст Нольте, забывают об одном предостережении, сформулированном Адорно: «Тот, кто не хочет говорить о капитализме, пусть не говорит и о фашизме». Сегодня также существует относительный консенсус относительно происхождения обоих этих явлений. Основное преступление Сталина заключалось не в том, что он якобы «предал» цели революции, а в том, что он, с одной стороны, попрал конституцию, освящённую им самим и его партией, и нёс прямую ответственность за смерть сотен тысяч ни в чём не повинных людей. С другой стороны, навязанные историей экономические и политические решения он преподносил как добродетель, как свидетельство того, что именно он реализует социализм на практике. Этот идеологический приём служил оправданием личной диктатуры.

«Зрелый» сталинизм как раз и выделяется отсутствием революционности. Сталин и Гитлер были также продуктами собственных систем, которые – пусть и в разной степени – в конечном счёте определяли основные направления их действий и рамки возможного. Сравнение личностей и исторической деятельности этих двух главных фигур также таит в себе множество подводных камней.

Историография в целом пришла к международному консенсусу в том, что нацистское государство в первую очередь служило защите интересов германского крупного капитала, а в конечном итоге – защите власти частной собственности от реальной и мнимой угрозы коммунистического коллективизма. Нет серьёзных разногласий и в том,

11 Аналогия «ГУЛАГ – Освенцим» вписывается в этот контекст. Об этом: KRAUSZ TAMÁS, „GULAG és Auschwitz, avagy az összehasonlító elemzés értelme és funkciója.” In: KRAUSZ TAMÁS, *Történetírás és emlékezetpolitika*. (Budapest: Russica Pannonicana, 2021), 269–297.

что сталинский поворот (1929–1933) был инспирирован прежде всего крахом властно-политических амбиций. Возникшая система стремилась создать свою экономическую базу путём государственной накопительной политики (так называемое «первоначальное социалистическое накопление», основанное на неэквивалентном обмене между промышленностью и сельским хозяйством – в ущерб последнему, по Преображенскому). В конечном счёте именно это накопление профинансировало ускоренную индустриализацию с целью ликвидации отставания и соответствующее ей государство «диктатуры пролетариата» (подразумевается: личной диктатуры Сталина). В рамках этого процесса происходило перераспределение собственности: государственная собственность была формально объявлена «собственностью трудящихся», но фактически перешла под контроль бюрократических институтов и групп, обслуживавших диктатуру, которые, в отличие от капиталистических структур, управляемых Гитлером и его режимом, не могли унаследовать такую собственность.

В сталинском СССР – в отличие от гитлеровского и рузвельтовского государств – возникла не экономика избыточного предложения, перепроизводства (рыночная экономика), а сформировалась т.н. экономика избыточного спроса (бюрократически управляемая плановая экономика): экономика дефицита (по Яношу Корнаи), в которой проявились определённые уравнивательные тенденции и были заложены основы «государственного социализма». Нацистская экономика избыточного предложения – в отличие от американского варианта – создала индуцированный военными целями подъём, своего рода «общественные работы» для тяжёлой промышленности и крупного капитала; в этом смысле нацистское государство «отблагодарило» крупный капитал за его грандиозную поддержку.

Таким образом, гитлеровское государство одновременно защищало и подчиняло себе позиции германского крупного капитала. В обмен на сказочную прибыль, тяжеловесы немецкой индустрии, прежде всего магнаты тяжёлой промышленности, последовательно финансировали институты и «авантюры» нацистской власти. Нацистское государство в своих откровенных стремлениях к мировому господству стремилось завладеть ресурсами и территориями других народов насильем, «кровью и железом». Нацистская Германия была одним из центров всеобщего процесса накопления капитала, тогда как сталинский Советский Союз практически оказался вытеснен из мировой системы и был вынужден полагаться на «самообеспечённое накопление». В 1930–1950-

е годы советское государство либо вообще не финансировало, либо лишь в ограниченной мере было способно финансировать провозглашённые им социальные цели, поскольку накопление обслуживало главным образом потребности выживания самого советского государства. Так, сталинскую жилищную программу смог частично реализовать лишь Хрущёв – и то только в первой половине 1960-х годов.

В отличие от Гитлера, Сталин с самого начала был вынужден скрывать основные мотивы своих действий и значительную часть своих конкретных поступков. И хотя оба использовали свои идеологические взгляды в качестве инструмента, Сталин даже в этой сфере постоянно был вынужден «конспирировать», то есть скрывать тот факт, что искажает первоначальную идеологическую миссию.

В противоположность гитлеровскому иррационализму, Сталин свой идеологический сплав создал на основе рационалистического духовного наследия марксизма и русской революционной традиции. Однако основные положения этого сплава определял не он сам: официальная идеологическая легитимация режима в известной степени ограничивала вождя в его публичных высказываниях. (Более того, уже в середине 1920-х годов возникали сомнения в подлинности его ключевого идеологического труда по «вопросам ленинизма»¹², и подозрения относительно того, что это – не более чем заимствование из труда советского идеолога Ксенофонтова.) Сталин всегда должен был учитывать, что он выступает как вождь многонационального социального движения и государства, конечной целью которых провозглашалось достижение экономического и социального равенства между людьми. Хотя он всегда «подгонял» идеологические и теоретические положения под конкретные шаги, ему часто приходилось увязывать даже самые обыденные факты с социалистическими конечными целями. В конечном счёте восприимчивость советского населения к провозглашённым конечным целям оказывала влияние и на самого вождя. Так, каждое новое предприятие могло быть представлено как еще один шаг на пути к социализму. В сталинском понимании социализм редуцировался до технико-экономической проблемы, призванной оправдать иерархическую структуру личной диктатуры, скрывая тот факт, что подлинное и

12 JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A leninizmus kérdései*. (Moszkva: Idegennyelvű Irodalmi Kiadó, 1945)

исходное значение социализма заключалось как раз в концепции общества, свободного от иерархий.¹³

Гитлеровская теория «жизненного пространства» выражала идею грабежа как самоцели. Гитлеру не нужно было скрывать свои убийства и преступления против человечества; он также сохранил особенности своего движения – национал-социализма – как массового движения, по сути своей рассматривавшего в качестве главного врага антикапиталистический «коммунизм», немецкое и европейское рабочее движение, а также потерявшие дееспособность институты буржуазной демократии. Всё это он оправдывал безумными идеями расовой теории. Геноцид, уничтожение «низших народов», прежде всего евреев, стояли в центре его программы. Сталин, напротив, по самой сути своей системы, не мог выдвигать ничего подобного: его убийства противоречили как целям режима, так и сталинским конституциям 1924 и 1936 годов.

По сравнению с этой радикальной разницей в функциях двух вождей, их личные психологические особенности имеют второстепенное значение для понимания их действий. Конечно, это вовсе не означает, что роль субъективного фактора в формировании истории можно недооценивать. Напротив, это лишь подчёркивает его важность.

Самая известная параллельная биография Гитлера и Сталина принадлежит Алану Буллоку¹⁴. В своём знаменитом (более чем 1000-страничном) труде психологическую аналогию между двумя фигурами он выводит, среди прочего, из того социально-исторического факта, что обе эти исторические личности возвысились с маргинальных социальных позиций и обе страдали от комплекса неполноценности. Это весьма важные обстоятельства, но разве можно отрицать определяющую роль исторических различий между культурными кругами Кавказа и Австрии, между двумя движениями, двумя целеполаганиями, двумя совершенно разными национальными традициями, религиями и т.д.? Иными словами, всякое «сходство» постижимо только в свете различий, что, впрочем, ясно проявилось и в «миссии» обеих исторических фигур. В случае со Сталиным, как подчёркивают многие исследователи, нельзя недооценивать влияние традиции «кровной мести», тогда как у Гитлера убийство приобрело гораздо более «рационализированную», технологически организованную форму. В конечном счете, ло-

13 KRAUSZ TAMÁS, SZIGETI PÉTER (szerk.): *Államszocializmus. Értelmezések – viták – tanulmányok.* (Budapest: L'Harmattan – Eszmélet Alapítvány, 2007)

14 ALAN BULLOCK, *Hitler and Stalin: Parallel Lives.* (London: Harper Collins, 1991)

гика промышленного уничтожения людей – что хорошо видно на фоне опыта Первой мировой войны – укоренилась не в России, а в развитых центральных странах мира, прежде всего в Германии. «Законспирированные» расправы Сталина происходили по личным властным причинам, были частью борьбы между аппаратами за распределение ресурсов, за овладение бюджетными благами. Для Гитлера же «жизненное пространство», геноцид были целью сами по себе.

Черты, упоминаемые Лениным в его характеристике Сталина – «грубость», «безжалостность», «капризность» и т. д. – были не просто индивидуальными особенностями; они были глубоко укоренены в культуре повседневной жизни в России. Символично, например, что вплоть до 1905 года телесные наказания со стороны жандармерии по отношению к простым людям считались «законными» в любом городе или деревне. Диктатура также не могла бы функционировать без подобных черт. Алан Буллок справедливо подчеркивает, что «грубость» Гитлера сочеталась с романтической немецкой идеей «утончённого» вождя. Его безграничный индивидуализм, влюблённый в свой собственный героизм, воплощал стремление к универсальной экспансии. «Героизм» Сталина, напротив, был бюрократического и коллективистского происхождения.

Советский вождь – когда речь шла о «великом деле» – обычно говорил во множественном числе. Гитлер – почти исключительно в единственном. Сталин всегда выступал как «сын народа, рабочего класса», и эти группы населения воспевали его как в пропагандистских фильмах, так и в реальности. Даже женщины-работницы могли обнять и поцеловать любимого вождя. В отличие от Гитлера, он редко устраивал себе чествования в окружении военных, хотя сам охотно появлялся в знаменитой простой гимнастёрке, а после войны – на торжественных мероприятиях – любил щеголять на торжественных парадах в маршальском мундире.

Сталин сознательно формировал свой образ как наследника «ленинской скромности». В интервью, данном немецкому писателю Эмилю Людвигу 13 декабря 1931 года, он так отреагировал на проведённую тем параллель между ним и Петром Великим:

«Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Надо сказать также, что <всё это> происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры.

Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни – быть достойным его учеником.

Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении другого класса, а именно – рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо «национального» государства, а укрепление государства социалистического, и значит – интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной.

Вы видите, что Ваша параллель не подходит»¹⁵.

Сталин, таким образом, не продвигал себя как вождя – это он представил своим пропагандистам. В отличие от гитлеризма, в историческом большевизме сама идея вождизма отсутствует, более того — она чужда его духу. У Ленина практически не было партийной должности. Гитлер – не чиновник, он – мессианский оратор. Его вождизм и «миссия» коренятся в немецком романтизме, тогда как сталинский вождизм основан на традициях русской автократии, деспотии, а также новоиспечённой «модерности» городской партийной бюрократии.

Сталин с его бюрократическим коллективизмом был неспособен к сколько-нибудь выдающемуся ораторскому выступлению на открытых площадях. Классическим революционным оратором был Троцкий, отчасти – Зиновьев. Сталин мог проявлять свою харизму только в закрытом пространстве и перед заранее подготовленной аудиторией — ту харизму, которую идеологически подкреплял образ «слуги народа» и «справедливого отца». Одним из классических примеров этого может служить его речь, произнесённая на пике террора – 11 декабря 1937 года – в Большом театре. Сама по себе ситуация была весьма показательной: речь шла о его кандидатуре на выборах в Верховный Совет, разумеется, от Сталинского района Москвы. Цель выступления состояла в том, чтобы сказать нечто о себе перед сотнями присутствующих, ликующих, аплодирующих, восторженных слушателей, и поблагода-

15 И. В. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. в И. В. Сталин Сочинения.» – Т. 13. – (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951) С. 105.

речь за доверие, как это было у него в обычае, говоря о себе в третьем лице, подчёркивая тем самым, что он – всего лишь один из многих членов партии: «Я знаю, что значит доверие. Оно, естественно, возлагает на меня новые, дополнительные обязанности и, стало быть, новую, дополнительную ответственность. Что же, у нас, у большевиков, не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой (*бурные продолжительные аплодисменты*).

Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина (*бурная, долго не смолкающая овация. Возглас из зала: «А мы все за товарищем Сталиным!»*). Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом (*аплодисменты*), перед рабочим классом (*аплодисменты*), перед крестьянством (*аплодисменты*), перед интеллигенцией (*аплодисменты*)¹⁶. Далее в своей речи Сталин доказывал, что именно в Советском Союзе проводятся самые демократичные выборы в мире.

Несомненно, в межвоенный период и диктаторы, и лидеры буржуазных демократий уже осознавали, что подавляющее большинство населения может быть мобилизовано практически на любую задачу при наличии соответствующего психологического и политического воздействия, в котором фигура вождя играла чрезвычайно важную роль. Это осознание возникло прежде всего во время Первой мировой войны, когда миллионы солдат (при поддержке своих родственников), вопреки собственным жизненным интересам, с песней шли на кровавую бойню. Положение Гитлера облегчалось массовым и фобическим национализмом, возникшим в результате военного поражения, тогда как диктаторская роль Сталина определялась массовым переживанием иного порядка – «*великих национальных свершений*», впервые в истории ставших экзистенциально переживаемым событием для народа имперского масштаба, состоявшего из множества больших и малых этносов.

Сталин мог предстать и в образе «творца культуры». У нацизма, напротив, не было прогрессивного культурного наследия – у него не было своих Шолохова и Бабеля, Петрова-Водкина и Родченко, Эйзенштейна и Эренбурга, не было Шостаковича, Святослава Рихтера и Да-

16 Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря 1913 года в Большом театре // *Сталинец*, 17 декабря 1937 г., № 43. С. 1.

вида Ойстраха. Нацизм не породил подлинных культурных достижений – если только не считать таковыми разрушение и опустошение.

Гитлеру не нужно было выдумывать врага, потому что экономику, по крайней мере, производственные процессы, регулировала не столько политическая необходимость, сколько беспощадная логика прибыли. Это не означает, что он не считал важным непосредственный политический контроль над рабочей силой, однако управление рабочими местами было отделено от управления производственными процессами. Гестапо – если не учитывать открытый рабский труд – не вмешивалось в производственные вопросы фабрик. Политика «поиска врага» у Сталина скрывала под собой нечто иное.

Ирония судьбы и двусмысленность ситуации ярко проявились в том факте, что, пока фобия против врачей достигала своего пика, Илья Эренбург, «любимец Сталина», 27 января 1953 года, получая Международную Сталинскую премию, заявил на весь мир: «Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего патриот своей родины и он подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства...»¹⁷ После этого Эренбург предостерег Сталина, что инициатива группы еврейских интеллектуалов (Д. Заславский из «Правды», историк И. Минц, философ М. Митин и др.), решивших выступить с заявлением о политической лояльности¹⁸, – абсолютно ошибочный шаг, который может произвести крайне негативное впечатление на международное сообщество.

Это фактически стало бы признанием антисемитской тенденции, с другой стороны, несколько «перехваленных» евреев своим «заявлением о лояльности» лишь усугубили бы ситуацию, создавая видимость того, что советские евреи действительно виновны в каком-то виде националистического уклонения. Поиск врагов разгорелся незадолго до смерти Сталина даже среди лечивших его врачей, что также указывает на то, что антисемитизм в его убийственной форме у Гитлера не имеет ничего общего с «законспирированным» советским аппаратным антисемитизмом. Сталин, устроив «дело врачей-вредителей» и ликвидируя Еврейский антифашистский комитет, хотел наказать Израиль, ставший к тому времени союзником США. Смерть Сталина 5 марта 1953 года по-

17 Цит. по: Сарнов Б. А., „Нам, евреям, повезло.“ Электронный ресурс: <https://www.lechaim.ru/ARHIV/127/sarnov.htm>. (Дата доступа: 12.05.2025.)

18 Речь идет об обращении известных деятелей еврейского происхождения в редакцию «Правды» в начале 1953 г.

ставила точку в «деле врачей», но оно, безусловно, стало позорным пятном на его историческом наследии.

Оценка личности Сталина во многом зависит от того, чью «психологическую школу» принимает историк в своем анализе. Ведь с определённых позиций оба диктатора рассматриваются как параноики. В случае со Сталиным это, прежде всего, проявляется в его «безумных» кампаниях по *поиску врагов*. У обоих диктаторов было большое количество врагов. Для Сталина определение *врага* основывалось на более рациональных принципах, чем для Гитлера, чьи враги были расовыми. Иосиф Виссарионович выделял две четкие категории «главных» врагов. Первая группа включала тех, кто сопротивлялся коллективизации (действительно сотни тысяч людей выступали против неё). Это были так называемые *кулаки*, согласно политической терминологии того времени. Вторая группа врагов – «пятая колонна», внутри собственной среды «вредительским образом подрывавшая» или противостоявшая политике и безграничным диктаторским амбициям Сталина. Ко второй категории относились и личные враги Сталина, которых он нередко уничтожал вместе с семьями. Однако и здесь речь идет не о параноидальном явлении, а скорее о стремлении избавиться от *потенциальных* противников. Сталин думал исключительно в категории «друг – враг», потому что в «осаждённой крепости» не принято отдавать предпочтение какому-либо иному моральному кодексу. После войны, в конце жизни, *поиски врагов* стали явно указывать на болезненные черты в психике Сталина. Признаки паранойи, например, проявились в подготовке «процесса врачей». Однако все известные мне документы указывают на то, что Сталин прекрасно осознавал свои решения независимо от того, что его неуравновешенная личность усугубляла антигуманные последствия его же экстремальных решений, в то время как насильственная реализация правильных с точки зрения общества решений оправдывала диктаторский метод как эффективный способ управления. В годы войны этот эффект особенно усилился.

Могут ли считаться сумасшедшими все те политики, которые сознательным решением отправили миллионы людей на верную смерть или приговорили миллионы к голодной смерти? Тогда любой призыв к войне может исходить лишь от безумца – начиная с Первой мировой войны, включая участие США в войне во Вьетнаме и заканчивая югославскими конфликтами 1990-х годов. Эрик Хобсбаум в своей работе «Эпоха крайностей», пожалуй, самой определяющей чертой XX века полагает превращение массового, «промышленного» насилия и гено-

цида в повседневное явление.¹⁹ Даже параноидальные черты личности Гитлера могут быть истолкованы скорее как последствия «приобретённого» заболевания; его ключевые решения также не могут быть сведены исключительно к проявлениям паранойи. Рассматривая это с современной точки зрения, можно утверждать, что настоящая проблема заключается не в том, что такие личности могли прийти к власти, а в том, что никакая организованная сила не стремилась или не могла их устранить. И вот мы вновь возвращаемся к вопросу системы, к тем людям и институтам, которые для «параноидального вождя» создавали и ежедневно воспроизводили идеологические, политические и организационные условия.

Сталин, в отличие от Гитлера, которого не интересовали настоящие науки, очень стремился предстать в обществе как компетентный, творческий теоретик и новатор в области социальных наук. Больше того, для большевизма было характерно своего рода фетишистское отношение к науке. Нельзя забывать, что советский лидер был прекрасно подкован по основным вопросам марксистской идеологии, действительно был хорошо подготовленным человеком. Изучая библиотеку Сталина, исследователь может прийти к выводу, что вождь не только много и разнообразно читал, но и с удивительной тщательностью обдумывал прочитанное. Он подчеркивал карандашом (красным или синим) те мысли, которые представлялись ему проблемными или интересными, иногда выделяя целые отрывки, и часто оставлял язвительные замечания на полях. Даже высказывания его заклятого врага Троцкого иногда оценивались им положительно. Это также демонстрирует, что Сталин точно знал: несмотря на политические ошибки Троцкого, тот не выдвигал только лишь те нелепости, которые сам Сталин манипулятивно вкладывал ему в уста. Но у политики и теории разная логика. В этом Сталин действительно был прекрасно уверен. Читая предисловие к книге Троцкого «Запад и Восток: вопросы мировой политики и мировой революции», опубликованной в 1924 году, Сталин жирной линией подчеркнул рассуждения Троцкого о «перемещении центра революционного процесса на Восток». На полях книги он сделал такую запись: «Дурак! При существовании Советского Союза центр не может быть на Востоке».

Впрочем, его всю жизнь увлекали теоретические исследования в области геополитических взаимосвязей и борьбы интересов великих

19 ERIC J. HOBBSBAWM, *A szélsőségek kora. A rövid 20. század története.* (Budapest: Pannonica, 1999)

держав. От партийных документов до исторических работ и даже художественной литературы – он читал всё.

Как верно заметил А. Буллок: «Идеология была важна для Гитлера, но не являлась самостоятельной темой в нацистской партии. Большинство склонялось к тому, чтобы сказать: «Гитлер – вот наша идеология»... В Коммунистической партии Советского Союза идеология имела совершенно другие традиции и роль. Сталин выработал более или менее самостоятельные теоретические позиции по различным вопросам – от лингвистики до философии и экономической теории. Он также определил рамки «современной науки», в которые включались философия, «партийная» историческая наука и экономическая теория, но не включались такие области, как кибернетика и эстетика «формализма», которые он считал «буржуазными лженауками». Конечно, его вмешательство в науки всегда преследовало политические цели, научных открытий он никогда не делал. Особенно заметным было его вмешательство в языкознание, когда профессиональное сообщество лингвистов восприняло позицию Сталина как окончательное слово в разгоревшейся дискуссии о наследии лингвиста Марра. Сталину особенно понравилось его определение языка как надстройки. Когда он стал на защиту биолога-самозванца Лысенко, очевидно, что на его решение повлияли в первую очередь соображения власти и кадровой политики.²⁰ В то же время он был способен оценивать споры внутри Советского Союза и на национальном уровне. Это наглядно подтверждается тем, что он до самого конца своей жизни задумывался о реформах в экономике. Разумеется, он не собирался ограничивать привилегии бюрократии и элит, и не ставил целью демократизацию производственного процесса. Вместо этого он в 1951 году в небольшой книге, написанной как итог дискуссии вокруг учебника по политэкономии, наметил возможность дополнения своего «государственного социализма» рыночными элементами – предвосхищая тем самым идеи «рыночного социализма». Этот подход так или иначе оказал влияние на мышление целых поколений экономистов.²¹ Пусть и на более скромном теоретическом уровне, он поставил проблему соединения рыночной экономики с государственной. Он был способен учиться – пусть и в рамках известных ограничений, – однако до последнего вздоха

20 HAVAS FERENC, *A marxizmus-szindróma. Sztálinizmus és nyelvtudomány*. (Budapest: Tinta Kiadó, 2002)

21 JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A szocializmus közgazdasági problémái a Szovjetunióban*. (Budapest: Szikra, 1952)

стремился сохранить личную диктатуру как основополагающее условие функционирования «социализма».

Даже на последнем этапе своей жизни Сталин представлял себя «спасителем» всего человечества, каковым его изображала целая армия писателей, художников и идеологов. Общеизвестно, что коммунизм в принципе – как теоретическая цель марксизма – предлагал «выход» из сталинской системы государственной эксплуатации в сторону *прямой* демократии и общественного самоуправления. Однако Сталин представлял реализацию социального, материального и культурно-политического равенства исключительно как дело государства. Для Гитлера государство также было ключевым инструментом осуществления его целей, но нацистское обещание будущего основывалось на частной собственности и частном капитале, подкрепляемых идеологией немецкого превосходства, мирового господства и расового мифа. Гитлер без обиняков провозгласил свою цель – подчинить народы мира «расе, способной к господству». Сталин же скрывал истинную суть личной диктатуры за лицемерной пропагандой революционной идеологии. В общественном сознании диктатор Сталин выступал исключительно как последовательный демократ, ведущий борьбу с «бюрократическими извращениями». У нацизма, напротив, не было необходимости что-либо скрывать. Даже уничтожение евреев скрывалось лишь по тактическим соображениям: официальные документы, пусть и завуалированным языком, но упоминали об уничтожении еврейского народа как об «окончательном решении». Таким образом, гитлеризм представлял собой тотальную колонизацию, откровенную борьбу за экономическое и политическое господство в мире. Его философией была расовая теория, а инструментом – нацистское государство. Сталин же, напротив, обещал освобождение народов мира от угнетения капитала.

Самовосприятие Сталина и его восприятие значительной частью общества после победы в войне не сильно отличались друг от друга. Революционная вера и энтузиазм выразились в почти религиозном поклонении Сталину. Это, конечно, являлось манипулированным и организованным процессом, но культ оказался интенсивным и относительно долговечным, потому что опирался на достаточно стабильную историческую основу. Голод и трудности переносились многими ценой героических усилий, поскольку люди считали, что система хороша, а несправедливости происходят из-за виновных, и сам Сталин-де не знает о терроре. Это было убедительно, если учесть огромные масштабы Советского Союза. Кто мог знать, что между арестом Зиновье-

ва и арестом крестьян в отдалённой деревне существует внутренняя связь? Более того, среди населения также велась борьба с различными злоупотреблениями, но против самой системы не возникало целенаправленного и организованного социального движения. Иногда широкие слои трудящихся инициировали разоблачение и наказание тех, кто совершал ошибки и заблуждения.²²

С падением Гитлера нацизм навсегда оказался на свалке истории, в то время как мысль о социализме и его культура, несмотря на сталинские преступления и даже на развал Советского Союза, до сих пор манят многих возможностью построения лучшего, более гуманного мира.

Sources

JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, „Beszélgetés Emil Ludwig német íróval, 1931. december 13.” [A Conversation with the German Writer Emil Ludwig, 13 December 1931] in *J. V. Sztálin művei*, 13. kötet. (Budapest: Szikra, 1951), 109–130.

JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A leninizmus kérdései*. [The Questions of Leninism] (Moszkva: Idegennyelvű Irodalmi Kiadó, 1945)

JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A szocializmus közgazdasági problémái a Szovjetunióban*. [The Economic Problems of Socialism in the Soviet Union] (Budapest: Szikra, 1952)

References

„A Mau Mau-felkelés Kenyában és a brit gyarmati terror. Caroline Macy Elkins tanúvallomása Ndiku Mutua és négy társának a Külügy- és Nemzetközösségi Minisztérium elleni perében.” [The Mau Mau Uprising in Kenya and British Colonial Terror: The Testimony of Caroline Macy Elkins in the Trial of the Case Brought Against the Foreign and Commonwealth Office by Ndiku Mutua and Four of His Associates.] *Észmélet* 111. (2016). 184–205.

ALAN BULLOCK, *Hitler and Stalin: Parallel Lives*. (London: Harper Collins, 1991)

BARTHA ESZTER, „Történetírás és ideológia: Vita a totalitarizmusról.” [Historiography and Ideology: A Debate on Totalitarianism.] *Múltunk* 2013(3). 6–38.

ERIC J. HOBBSBAWM, *A szélsőségek kora. A rövid 20. század története*. [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century.] (Budapest: Pannonica, 1999)

GROVER FURR, *Stalin: Waiting for... the Truth!* (New York: Red Star Publishers, 2019)

HAVAS FERENC *A marrizmus-szindróma. Sztálinizmus és nyelvtudomány*. [Marrism Syndrome: Stalinism and Linguistics.] (Budapest: Tinta Kiadó, 2002)

ISAAC DEUTSCHER, *Sztálin. Politikai életrajz*. [Stalin: Political Biography] (Budapest: Európa, 1990)

22 cp.: WENDY Z. GOLDMAN, *Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression*. (New York: Cambridge University Press, 2007); WENDY Z. GOLDMAN, *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia*. (New York: Cambridge University Press, 2011). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511994906>

KRAUSZ TAMÁS, SZIGETI PÉTER (szerk.) *Államszocializmus. Értelmezések – viták – tanulságok.* [State Socialism: Interpretations - Debates - Lessons] (Budapest: L'Harmattan – Eszmélet Alapítvány, 2007)

KRAUSZ TAMÁS, „GULAG és Auschwitz, avagy az összehasonlító elemzés értelme és funkciója.” [GULAG and Auschwitz, or the Meaning and Function of Comparative Analysis.] in KRAUSZ TAMÁS, *Történetírás és emlékezetpolitika.* (Budapest: Russica Pannonicana, 2021), 269–297. NIEDERHAUSER EMIL, *A jobbágyfelszabadítás Kelet-Európában.* [The Liberation of the Serfs in Eastern Europe.] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962)

Oleg Khlebnik, *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdia. Izdanie vtoroje, reprintnoe i perepisannoe.* [Stalin: The Life of a Leader. Second Reprinted and Rewritten Edition.] (Moskva: ROSSPEN, 2015)

ORMOS MÁRIA, KRAUSZ TAMÁS, *Hitler – Sztálin.* [Hitler – Stalin] (Budapest: Pannonica, 1999)

ROBERT C. TUCKER, *Sztálin: 1879–1929. A forradalmár.* [Stalin as Revolutionary, 1879–1929.] (Szeged: Szukits Kiadó, 2006)

Roy A. MEDVEDEV, *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism.* (New York: Columbia University Press, 1989) [Original: P. A. МЕДВЕДЕВ, *К суду истории*, 1969.]

STEPHEN KOTKIN, *Sztálin – A hatalom paradoxonai (1878–1928).* [Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928] (Budapest: Századvég, 2025)

VLADIMIR FEDORIN, „Josif Stalin kak upravlenets” [Joseph Stalin as a Leader], *Forbes.ru* (2010. március 26.) <https://www.forbes.ru/interview/47109-prestupnyi-diletantizm> (Accessed December 9, 2024)

WENDY Z. GOLDMAN, *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia.* (New York: Cambridge University Press, 2011). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511994906>

WENDY Z. GOLDMAN, *Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression.* (New York: Cambridge University Press, 2007)